

* * *

И — ненависть в крови — итог тысячелетья.
Век входит в души к нам, как нечестивец в храм.
Промотано дотла богатое наследье:
смятение теней и плесень по углам.

О вере и любви не поминайте всеуе.
Каменьями побьют рискнувшего сказать.
Презрение и смех — ответ на поцелуи,
кровавой пеленой застелены глаза.

Безумен этот мир. Безумна и сама я —
тянуться за теплом к сгоревшему углю.
Пока ещё люблю. Уже не понимаю.
Пока ещё люблю, пока ещё люблю...

* * *

Отец мой отрекался от отца.
В тридцать седьмом такое было в норме.
Мать и сестрёнки, чёрные с лица,
надеялись: Аркадий их прокормит.

Ещё мальчишка, с пухом на губах,
он был в семье единственный мужчина.
Пока семью опального попа
кормила христианская община,

но было очевидно, что не век
продлится эта милость человечья.
Железный ветер убыстрял разбег
и пригибал сердца, умы и плечи.

Да, выбор был. Но по-библейски скуп:
предательство и жизнь — или могила.
И мать сама, не разжимая губ,
спокойно сына вслед перекрестила.

«Переступи, сынок, переступи.
Господь поймёт, простит тебя. Иди же.

Переступи, Аркадий. Уступи».

Переступил.

И прокормил.

И выжил.

* * *

Мой сын играет на гитаре.

Невероятны и странны
в тяжёлом роковом угаре
мне звуки старенькой струны.

Сквозь века нового чугунность
сияет старая пора:
моя заброшенная юность,
гитара, песни у костра.

Сигнал подпольного протеста
против тотального вранья —
гитара. Мужество и честность.
Гитара — молодость моя.

Костры лесные догорели
в тиши меж сосен вековых.
Мои бывшие менестрели
давно на пенсии, увы.

Но взор горяч.
Но очи кари.
И пробиваются усы.
Мой сын играет на гитаре.
Играет на гитаре сын.

* * *

Русь плакучая, родина, горе.
По своей несуразной судьбе
Мы несём беспросветную горечь
безответной любви к тебе.

Нам твои воспалённые раны
не оплакать в назначенный час.

Предававшие нас капитаны * * *
научили предательству нас.

И продавши себя, и предавши,
омерзевши от фальши и лжи,
сгоряча мы клянём обещавших
беспробудно счастливую жизнь.

Но, осмелившись жить без указки,
поседев от испытанных бед,
той же самой красивою сказкой
соблазняем идущих вослед.

* * *

Ты знаешь, неважно,
когда и куда мы уйдём:
рассыплемся прахом
иль станем частицей Вселенной,
чего мы достигнем.

А главное — быть откровенным
с друзьями, с собою
и с тёплым июльским дождём.

Признаться в ошибках —
достойный и тягостный труд.
«Познайте себя»...

Мы — не лучший предмет для познания.

Копаясь в себе,
мы к финалу придём с опозданием.

Нас в царство небесное
вряд ли с тобой позовут.

И всё же восславим
бесстрашие смертной души,
отвагу любви и в спасенье безумную веру.

Мы честно старались,
теряясь во тьме и в химерах.

Мы всё-таки шли.

И любые пути хороши.

* * *

На гостиничный казённый неуют
исподлобья солнце бросит беглый взгляд.
Птицы крошки с подоконника склюют
и назад к себе на ветки улетят.

Там за окнами — Амур: простор и ширь.
Там заря горит над городом Хэйхэ.
В тёмном номере печаль моя — Сибирь
в деловых контрактах, водке и грехе.

То ли продана, то ль предана душа,
суть божественная пропита дотла.
На верёвке медный крест за три гроша.
Ах, Россия, золотые купола!

* * *

Путь-дороженька похмельная во тьму.
С миллионами загинет в нищете.
«Посиди со мной, мне страшно одному...»
...Пощади нас, грешных, господи Христе!

* * *

Выпрашивать любовь — что может быть стыдней?
Я знаю, скажешь ты: польщён и благодарен,
но ты меня пойми, я с нею, я о ней...
Ты чаю мне нальёшь, сыграешь на гитаре.
О, милостыни чувств мучительная соль!
Ты будешь милосерд, до приторности ласков.
Но мне не по плечу навязанная роль,
тебе же не к лицу натянутая маска.
Не выйдет ни черта из этой доброты.
Я молча уберусь куда-нибудь подальше
и буду меж берёз бродить до темноты,
краснея до волос от пережитой фальши.
И буду клясть себя: пора бы стать умней,
держат себя в руках и никого не мучить.
Сорвусь и зареву. А ты поедешь к ней
выпрашивать любовь.
Какой банальный случай.

* * *

Огонь свечи вспорхнёт от звука,
запляшут тени по углам.

А мне наука, мне наука —
не доверяться зеркалам,
в которых смыто отраженье
моих ещё грядущих лет.

Ты — лишь моё воображенье,
но ты реальнее, чем свет,
от фонаря плывущий вяло
(вполне физический процесс).

Зачем я о тебе гадала
на старом мамином кольце?

Зачем затепливала свечи
в ночи, волнуясь и дрожа?

Капкан замкнулся!

Нашей встречи
теперь никак не избежать.

Меж нами время и пространство,
идти полжизни, полстраны.

Но ели в свадебном убранстве
в сочельник жгуче-зелены.

Но мне всего лишь девятнадцать,
глаза невинно голубы.

И невозможно убояться
бесстрашно выбранной судьбы.

* * *

Толстый ворон присел на сук.

Сук под ним закачался — слаб.

Хорошо побродить в лесу
среди тяжёлых еловых лап.

По сугробам к тропинке — вброд,
разгребая руками снег.

Там меня на опушке ждёт
мой единственный человек.


Двадцать лет.

Впереди вся жизнь.

* * * Годы счастья.
На гост Любовь со мной.
исподл Тонкий куст на ветру дрожит,
Птицы весь под коркою ледяной.
и наздл Кто ж тогда, в это время, здесь
Там за предсказал бы мне наперёд,
Там зар что до пёнышка срубят лес
В темном и вся жизнь наша врозь пройдёт?

* * *
То ли пр Человек, прошедший лишь по краю
суть бо и пустивший жизнь мою в распыл,
На верё я сама теперь не очень знаю —
Ах, Рос неужели ты и вправду был?
Путь-до Что я: был? За тыщу километров,
С милл где застыли стрелки на часах,
«Посид и сегодня надувает ветром
...Пока яхт твоих тугие паруса.
По сей По сей день, когда подступит злая
вязкая вязкая тугая тишина,
я за я за строки книг твоих цепляюсь,
словно словно за спасательный канат.

* * *
Ты чаю Буду жить и попробую выжить.
О, милл Но пощады уже не прошу.
Ты буд Свет луны, неестественно рыжей,
Но мне пограничную чертит межу.
тебе хо Шелест волн о гранитную крошку.
Не мал Ах, куда эта речка бежит?
Я марш Полупризрачной лунной дорожкой
и буду на две части расколота жизнь.
краснел Половина — текущее время,
И буду половина — застывшая боль.
держал Что случилось? Да то, что со всеми:
Сорву никогда я не буду с тобой.
выпрощ Не подыщешь банальнее фразы.
Какой Люди слабые — что мы могли?



Бьётся самонадеянный разум,
ищет выход из мёртвой петли:
отвести от опасного края,
где луна под обрывом дрожит.
...Люди не от любви умирают.
Умирают от фальши и лжи.

* * *

Как звали истину? — Любовь.
Но было истин слишком много.
Одна-единая дорога
терялась средь камней и рвов.
И в тщетном поиске пути
душа наивная терялась,
слабела, сбившись, не решалась
совсем одна вперёд идти.
Из мрака подступали к ней
все прегрешенья и пороки,
и выходили лжепророки,
и лгали: истина во мне.
И здесь кончается сюжет.
Любой душе знакомо это:
идёт сраженье тьмы и света,
и ни за кем победы нет.